

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В БЕЛАРУСИ
В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1921–1939 гг.)

Развитие конфессиональной ситуации в государстве тесным образом связано с установившейся там общественно-политической системой. Религия и церковь практически всегда играли определяющую роль в формировании мировоззренческой позиции личности, являясь важным политическим институтом. В истории Беларуси конфессиональный фактор был всегда значим. Нередко конфессиональная принадлежность подменяла этническую, а иногда и определяла политическую. Руководство регулировало систему государственно-церковных отношений сугубо по своему усмотрению, в том числе достаточно жесткими способами.

В начале XX ст. конфессиональная жизнь в Беларуси значительно активизировалась. По сути, поработанная в синодально-консисторских путях, Русская православная церковь (РПЦ) пыталась вернуться к своему главному предназначению – духовному служению народу и Отечеству. Католики получили больше прав и свобод в деле организации миссионерской деятельности. На конфессиональное поле все более широко начали выходить всякого рода новые религиозные деноминации и лидеры. Особенно активно действовали протестантские организации. Намечившаяся демократизация государственно-церковных отношений была прервана чередой кровопролитных войн, переворотов и оккупаций, приведших к варварскому разрыву Беларуси на части.

Осуществленное расчленение никоим образом не могло способствовать формированию национальной культуры, духовно-нравственных основ и государственных традиций белорусского народа. Статьи Рижского мирного договора обязывали и Советскую Россию, и Польшу не применять никаких дискриминационных ограничений в этноконфессиональной сфере. На самом деле ситуация выглядела практически противоположно. Большевики продолжили начатую в 1917 г. практику внедрения в массы антирелигиозной идеологии и материалистического мировоззрения, воинствующий атеизм стал определяющим в деле реализации государственной политики в отношении церкви. Руководство Польши в основу этноконфессиональной политики положило доктрину национальной ассимиляции славянских меньшинств.

Проблемы государственно-церковных отношений данного периода достаточно активно исследовались советскими, российскими и современными белорусскими учеными. Многие аспекты рассмотрены

на очень высоком уровне. Особенно, что касается работ Я. Мараша [1], А. Круглова [2], В. Новицкого [3], Ф. Кривоноса [4]. Представляется важным и проведение сравнительного анализа ситуации в конфессиональной сфере в обеих частях Беларуси. Несмотря на искусственный разрыв, имевший ограниченные временные рамки, белорусский народ остро ощущал свою общность, нераздельность истории и будущего. Это показали и события Великой Отечественной войны, и стремление построения суверенного белорусского государства в конце XX-го столетия. Развитие конфессиональной ситуации в период 1921–1939 гг. в настоящий момент также оказывает свое влияние на государственно-церковные отношения в Республике Беларусь, и поэтому требует своего обстоятельного изучения.

Руководство Советской России религии и церкви отводило роль стремительно исчезающих общественных институтов. Главным политическим противником была определена РПЦ, как сильный идеологический оппонент, резко выступавший против насильственных действий. До революции в России действовало более 48 000 храмов, из них в белорусских губерниях – 2693. Православная церковь имела до революции статус государственной и получала определенные преимущества перед иными культами. Не имея какой-то более менее ясной антирелигиозной программы деятельности большевики пошли по пути уничтожения идеологического и экономического потенциала Церкви, а так же разрушения ее административно-управленческой структуры.

Очередным поводом для атаки стал голод 1921 г. в Поволжье, где перед угрозой голодной смерти оказались миллионы людей. Под предлогом организации помощи голодающим в первой половине 1922 г. было проведено практически полное ограбление храмов, более того, даже если подвергнуть сомнению данные протоиерея М. Польских о том, что уже в 1922 г. было расстреляно только в Минской епархии 49 священников [5, с. 214], то все равно мнимое сопротивление изъятию ценностей станет в дальнейшем поводом для возбуждения большого количества уголовных дел и в первую очередь над митрополитом Минским и Слуцким Мельхиседеком [6, л. 6].

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. было направлено на разобшение верующих, усложнение церковной жизни, а также взятию под контроль власти любых религиозных действий. Государство направляло на антирелигиозную деятельность колоссальные человеческие и материальные средства, однако по-прежнему большинство населения продолжало нуждаться в вере в Бога и никак не переходило на атеистические позиции в соответствии с программными документами партии. Основные успехи антирелигиозников были в деле закрытия

храмов. С лета 1927 г. под различными благовидными предлогами регистрация и перерегистрация общин откладывалась на неопределенный срок. К началу 1929 г. действовало 1013 православных храма.

За 1930 г. было закрыто 573 церкви, в 1936 г. осталось только 74, к 1940-м гг. в восточной части БССР не осталось ни одного постоянного действующего культового сооружения [3, с. 173]. Еще «успешней» шел процесс уничтожения православного духовенства. Точечные аресты в 1920-е гг. хотя и затрудняли процесс управления церковной жизнью, но не были критичны. Большинство приговоров духовенства выносилось на 3 или 5 лет высылки в Севкрай или заключения в концлагеря. С 1929 г. ситуация коренным образом изменяется. Перечисленными органами ставилась задача сломить любое сопротивление, осуществляемое в стране мероприятиям. В одном только 1930 г. было арестовано 93 «церковника». 25 из них расстреляны, а 68 отправлены в лагеря [7, с. 300]. Самыми кровавыми были 1929–1933 гг., 1935 г. и 1937 г. В 1937 г. – первой половине 1938 г. в БССР было арестовано 400 православных священников и монахов, 1 митрополит, 5 епископов и 4 архиепископов [7, с. 304]. В целом по БССР к началу Великой Отечественной войны по приблизительным данным, погибли в лагерях или были расстреляны около 2000 клириков [3, с. 179].

В Польше Православная церковь также испытывала большие сложности в организации своей деятельности. Православная церковь оказалась в весьма затруднительном положении. Варшава нуждалась в независимой от Москвы Церкви. На тот момент в Польше проживало от 3,5 до 5 миллионов православных. На территории государства оказались епархии Холмская, Варшавская, Виленская, Гродненская, а также часть Волынской и Минской.

Под давлением властей в 1922 г. была объявлена автокефалия Церкви, создавались условия для полного подчинения православных клириков установкам политического руководства. Несогласные с проводимыми мероприятиями иерархи и священнослужители отстранялись от работы, подвергались арестам, высылались в центральные районы. Многие вынуждены были покинуть страну. 13 ноября 1924 г. патриарх Константинополя дал благословение на автокефалию Польской церкви, а в следующем году был выпущен соответствующий томос.

Автокефалия Польской церкви была признана всеми православными церквями, кроме Русской. Церковь была разделена на 5 епархий – Варшавско-Холмскую, Волынскую, Гродненскую, Виленскую и Полесскую. С середины 1930-х гг. впервые в истории в православных храмах молебны начали проводиться на польском языке. Вскоре все епископские кафедры были заняты людьми, готовыми сотрудничать с

властями. 12 апреля 1924 г., вслед за Константинопольской патриархией, в Польской церкви был принят новоюлианский календарь. Нововведение активно помогали осуществлять польские чиновники, но многие священники и народ был против календарной реформы.

Агрессивную атаку властей на православных поддерживали консервативные католические круги. Особенно ярко это проявилось в борьбе за храмы. По инициативе ксендзов в 1930 г. были возбуждены дела о ревендикции 500 православных храмов. 300 из них перешли к католикам. Многие богослужебные здания захватывались католиками самовольно, а государственные органы никак не реагировали на факты грубого нарушения законодательства. Отобрание православных храмов не носило характера государственной необходимости. Многие из них не использовались по прямому назначению или обслуживали незначительное количество прихожан, в то время как православные были лишены возможности удовлетворения своих религиозных чувств [3, с. 200; 8, с. 12–38].

Таким образом, правительства обоих государств нарушали положения мирного Рижского договора в сфере реализации этноконфессиональной политики. Властями проводилось жесткое регулирование религиозной жизни в соответствии со своими политическими приоритетами без учета мнения и желания самого белорусского народа. Антирелигиозная деятельность большевиков, первоначально направленная практически исключительно на православных, в итоге завершилась жестоким разгромом всех религиозных организаций. В Польше неоспоримые преимущества получал Костел, который, к сожалению, предстал душителем православия и белорусского католического движения. В обоих регионах значительное распространение получил протестантизм. После воссоединения белорусских земель на западную часть была распространена советская модель взаимоотношений с церковными организациями.

1. Мараш, Я.Н. Политика Ватикана и католической церкви в Западной Белоруссии (1918–1939) / Я.Н. Мараш – Минск: Беларусь, 1983. – 217 с.
2. Круглов, А. А. Развитие атеизма в Белоруссии / А. А. Круглов – Минск: Беларусь, 1989. – 328 с.
3. Навіцкі, У. І. Змена канфесіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20–30-я гг. XX-га ст. // Канфесіі на Беларусі / В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава. – Минск: Экаперспектыва, 1998.
4. Кривонос, Ф. У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 гг.) / Ф. Кривонос. – Минск: МФЦП, 2007. – 239 с.
5. Новые мученики российские: В 2 т. / Сост. М. Польских. – Джорданвилль: 1949. – Т. 1.
6. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 60.